

**В СЕРИИ
«ПОЛЫНЬ – СУХИЕ СЛЁЗЫ»
ВЫШЛИ КНИГИ:**

Разрыв – трава горькая
Сквозь печальные туманы
Волки смотрят в лес
Отворите мне темницу
Горюч камень Алатырь

СЕРИЯ «ГРЕШНЫЕ СЁСТРЫ»:

Цветы запоздалые
Гори, письмо любви
Судьбою рвется нить

Анастасия Туманова

ГОРИ, ПИСЬМО ЛЮБВИ

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т83

Туманова, А.

Т83 Гори, письмо любви / А. Туманова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 320 с. — (Грешные сёстры).

ISBN 978-5-521-92495-0

Счастье с любимым человеком — слишком дорогое удовольствие для сироты-бесприданницы.

Софья Грешнева вновь и вновь напоминает себе об этом. Ее старшая сестра — блестящая столичная «камелия», младшая — воровка-авантюристка. Сама Софья стала содержанкой богатейшего «торгового человека». Ее покровитель влюблен до безумия и готов ради Софьи на все. Но любовь к предавшему ее Владимиру Черменскому не покидает сердца юной графини... Узнает ли она когда-нибудь, что штабс-капитан Черменский ни в чем не был виноват перед нею?..

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92495-0

© Туманова А., 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Глава 1. СОФЬЯ

В окна поезда, несущегося по железной дороге к польской границе 14 апреля 1879 года, светило мягкое весеннее солнце. Золотистые пятна весело скакали по бархатной обивке сидений, играли в пятнашки на полу, скользили по сомкнутым ресницам спящей в углу купе первого класса девушки. Она была очень молода, не старше восемнадцати лет. Ее темные вьющиеся волосы, выбившись из прически, в беспорядке лежали на сиденье. Звали девушку Софьей Грешневой, и сон ей виделся тревожный. «Аня, что с Катей? — бормотала она, мечась по жесткой вагонной подушке. — Аня, где Сережа? Маша, скоро начинать, твой выход... Занавес, дайте занавес... Я уезжаю... Не трогайте же меня, животное...»

«Животное», сидящее напротив, с явным интересом слушало Софьино бормотание, изредка усмехаясь или покачивая черной курчавой головой. Это был Федор Мартемьянов, костромской купец-пароходник тридцати двух лет, о нем в состоянии которого ходили легенды от Ярославля до Астрахани.

Семья Мартемьяновых стала самой богатой в Костроме при отце Федора, Пантелее Кузьмиче. Говорили, что в мо-

лодости Пантелей Мартемьянов ходил на стругах по Волге вместе с ватагой лихих людей, грабивших пароходы, и именно грабежом нажил себе немалое состояние. Каким-то чудом он миновал Сибири, отколовшись от ватаги за месяц до того, как ее всю разом накрыли в кабаке на Казанской ярмарке. Люди втихую поговаривали, что именно Пантелей и сдал властям товарищей — с тем чтобы единолично воспользоваться ватажной казной. Так или иначе, бывший ватажник объявился в Костроме с огромными деньгами, купил дом, три парохода и начал свое дело. Когда пароходов стало семь, Мартемьянов женился и за десять лет родил трех сыновей, младшим из которых был Федор.

Федор до сих пор не мог без мороза по коже вспоминать об отце: огромном сильном человеке с корявым, всегда хмурым лицом, которое совсем уж портил длинный шрам, пересекавший его от брови до подбородка и прячущийся в черной жесткой бороде. Пантелей Мартемьянов иногда по целым дням не говорил ни слова, но его вид неизменно внушал ужас и семье, и работникам. Собственные приказчики боялись у него воровать. Рука у Пантелея Мартемьянова была тяжелой, что не однажды испытывали на себе и работники купца, и близкие люди. Его жена, в девичестве — первая костромская красавица, статная и зеленоглазая, боялась не только разговаривать с мужем, но даже лишний раз взглянуть на него. Дети в присутствии отца предпочитали прятаться по углам. В доме царили страх и тишина. Жена самого богатого в городе человека носила ветхие, рассыпавшиеся на глазах, несколько раз перешитые платья, не смея попросить у мужа денег на обнову, а самому ему порадовать супругу нарядами и в голову не приходило. Вся прибыль шла в торговый оборот. Даже отдавать сыновей в гимназию Мартемьянов-старший не стал, мотивируя это тем, что он хоть и не учился грамоте, тем не менее умудрился нажить

хороший капитал. «Кассу посчитать смогут — и ладно!» Сыновья молчали и учились грамоте у дьячка по псалтыри.

Федору было восемь лет, когда пьяный отец на его глазах начал дубасить мать поленом для растопки. Мать даже кричать не смела, стонала по-коровьи, тяжело, с закрытым ртом. Федор схватил со стола хлебный нож, кинулся на отца и умудрился довольно сильно расцарапать ему бок. После этого отец до полусмерти избил младшего сына вожжами. Две недели мальчишка провалялся один в каморе для прислуги: мать боялась входить к нему и только ночью, прокрадываясь на цыпочках, оставляла на столе еду и забирала отходное ведро. С этого времени Федор начал прямо обращаться в вечерней молитве к Богу с просьбой о ниспослании скорейшей смерти тятеньке. К десяти годам мальчик убедился, что Всевышний этим заниматься не намерен. В двенадцать начал подумывать о том, кто бы мог уходить тятеньку вместо Бога. В шестнадцать сообразил, что кроме него, Федора, устроить это некому. А в восемнадцать, жарким душным летом, когда над городом висело желтое марево, он дождался отъезда старших братьев с товаром на ярмарку и поднялся в спальню родителей. Пьяный отец храпел, раскинувшись поперек огромной кровати. Мать, в очередной раз избитая в кровь, дрожала и всхлипывала на полу под образами.

— Что ты, Феденька? — одними губами спросила она, увидев лицо младшего сына, впервые в жизни вошедшего в спальню родителей.

— Выйдите, мамаша, — коротко сказал он.

Но она не могла встать, и Федор, легко подняв мать на руки — легкую, как веточка, истаявшую от вечного страха, — вынес ее в сени. Спокойно вернулся назад, без колебания и суеты перевернул отца на спину, бросил ему на лицо тяже-

лую перину и навалился всем телом сверху. Через несколько минут дело было кончено.

— Скончавшись папаша. Удар приключился, — сказал он матери, скорчившейся в углу сеней. — Попа зовите, да Ваньке с Афанасием отпишите в Астрахань. Жара стоит, хоронить скорее надо.

Мать слабо ахнула, схватилась за голову и лишилась чувств.

Федор был убежден в том, что никто не поверит в смерть родителя от удара, и готовился отправляться в Сибирь с чувством исполненной жизненной задачи — но, к его изумлению, все прошло без сучка-задоринки. Вечно похмельный слободской доктор подтвердил удар от прилива крови к голове. Жара и в самом деле стояла страшная, и первого купца Костромы похоронили в дикой спешке, не дожидаясь ни съезда на поминки дальней родни, ни даже возвращения старших сыновей. Те, впрочем, не особенно расстроились и вернулись домой смертельно пьяные и счастливые: после долгих лет страха и унижения им в руки падали огромный отцовский капитал и вольная воля. Но пользоваться всем этим братья Мартемьяновы смогли без малого месяц.

Федор до сих пор не понимал, из каких мухоморов кухарка Егоровна сварила ту проклятую грибную лапшу. Может, если бы мать, как всегда, приглядывала за кухаркой, любившей выпить, все сложилось бы по-другому и в их семье, и в его жизни. Но мать, которая после смерти супруга не вставала с постели, больше не занималась хозяйством, и Егоровна царствовала на кухне единовластно.

— Тьфу, глушня старая... Мыша, что ль, в лапше сварила? — поморщился Федор после нескольких ложек, брезгливо отодвигая от себя миску. — Ей-богу, никак невозможно такую гадость принимать... Вы-то как хлебаете, не пойму?!

— Вона, граф какой выискался! — расхохотались братья, которые с утра рыбачили на Волге, притащили четырех осетров в полтора аршина каждый и с голодухи уже умяли по две миски сомнительной лапши. — Посиди с рассвета до полудня в кустах с бреднем — и тебе за счастье покажется! Хлебай давай да спускайся в контору: счета по «Святой Ефимии» проверить надобно!

— Воля ваша, не могу. — Федор поднялся из-за стола, впросительно взглянув на старшего, Афанасия, бывшего теперь главой дома. Тот величественно кивнул — ступай, мол, бестолочь, — и Федор, не доев, ушел к себе.

Через полчаса у него дико скрутило живот. Некоторое время Федор терпел, валяясь на кровати и сдавленно хрипя сквозь зубы, но с каждой минутой делалось всё хуже и хуже. Когда же стало совсем невмочь, он кое-как дотянулся до кринки с молоком, стоящей на столе, сделал несколько глотков — и его тут же вывернуло на пол. Преодолевая страшную боль в животе и головокружение, Федор снова выпил молока — и опять оно вылетело из него. Он пил и пил — через силу, корчась от страшной боли, понимая, что бесполезно, что все равно помрет, что надо бы позвать попа и хоть перед смертью покаяться в грехе с папашей... хотя что же каяться в том, от чего никому плохо не стало? Но, к счастью, до попа и покаяния дело не дошло. Молоко в кринке кончилось, живот немного отпустило — и Федор, повалившись вниз лицом на кровать, заснул — как провалился.

Он очнулся лишь наутро от пронзительного воя матери, раздававшегося с первого этажа. Федор поднял тяжелую, словно чугунную голову с подушки, ужаснулся густой вони, наполнявшей горницу (следы вчерашних извержений его желудка за ночь никуда не делись), кое-как поднялся, ударом кулака распахнул ставни и, шатаясь, пошел вниз — узнать, что еще стряслось.

В доме уже суетился народ: бегали сразу два доктора — для богатых и попроще, из слободы, попов было человек пять, мельтешили какие-то старухи в черном, голосила дурниной пьяная Егоровна. Мать, белая и страшная, с распущенными седыми космами, в разодранной рубаше, каталась по полу и беспрерывно выла. Оба брата Мартемьяновы умерли ночью, отравившись грибами.

Услышав робкое: «Федор Пантелеич, как распорядиться похоронами прикажете?» — Федор не сразу понял, что это обращаются к нему. С трудом сбросив с себя тяжелое оцепенение, он поднял еще гудящую голову и увидел, что все в горнице, кроме распластавшейся на полу матери, смотрят на него и чего-то ждут. Он с удивлением переводил глаза с одного лица на другое до тех пор, пока в ответ на его растерянный взгляд старший приказчик, старый верный Андронич, не поклонился до земли, как кланялся лишь отцу. Только тогда Федор сообразил, что является теперь главой дома и хозяином всех мартемьяновских богатств. «Не было у бабы забот — купила баба порося...» — ошеломленно подумал он. Перевел дух и начал распоряжаться.

Ночью, когда Федор, смертельно устав от навалившихся хлопот, приготовлений к похоронам и бесконечных разговоров с приказчиками, подрядчиками, попами и докторами, сидел на постели и мучительно соображал: снять ли сапоги или же, не мучаясь, завалиться прямо в них, — за дверью чуть слышно поскреблись. «Кто там трется?» — удивился он. Наступила тишина, и Федор уже решил было, что это шляется кот, когда дверь приоткрылась, и в горницу, мелко переступая, вошла мать. С Федора мгновенно слетела дрема.

— Мамаша?! Вы пошто здесь?

Морщинистое, старое лицо матери, освещенное снизу дрожащей свечой, напугало его. А когда мать приблизилась